

ПРАВДА ХАРАКТЕРОВ

Как и положено, в центре — основатели рода, рядом — наследники, зади — дальние родственники и близкие знакомые. Словом, семья... Кто же эти люди, чинно расположившиеся на венских стульях и увековеченные провинциальным фотографом? Мы видим их в самом начале спектакля. Как сложатся их судьбы?

Ленинградский академический Большой драматический театр имени М. Горького, играя «Мещан», точно и беспоощадно отвечает на эти вопросы, повествуя о драме семейства зажиточного мещанина Бессеменова. Театр заново прочитал первую пьесу великого писателя, пьесу, которая положила начало огромному явлению — Театру Горького.

Чтобы дать новую жизнь произведению, давно ставшему хрестоматийным, нужно знать: зачем оно сегодня? Театр знает, зачем современным «Мещане», премьеру которых он недавно показал. Последовательная реалистичность, преданность принципам психологического театра, ансамбль умных, ярких, исповедующих единую художественную веру актеров позволили не только верно прочесть драму, но и достичь новой глубины в анализе человеческих судеб.

Спектакль, поставленный и оформленный Г. Товстоноговым (режиссер Р. Сирота), принципиально противостоит модному ныне пренебрежению к быту. Но все, что мы видим в доме старшины малярного цеха Василия Бессеменова, настолько выразительно,

что изображение быта поднимается до философского осмысления бытия.

Мещанство — многолико. Театр исследует его социальную, психологическую, нравственную сущность, виртуозно обнажая «мурло мещанина» в самых, казалось бы, невинных движениях души. Расстреливает афоризмами умного, но уже разрушенного жизнью Тетерева (П. Павлов). Укоряет самим существованием беззащитного Перчихина (Н. Трофимов). И еще тем, что рядом с ними живет человек по имени Нил.

Конфликт Бессеменова и Нила предстает как жесточайший спор миропониманий мещанского и созидательного. Е. Лебедев, выросший за последние годы в одного из самых разносторонних и крупных мастеров современной русской сцены, играет старика Бессеменова как характер незаурядный, сложный, сильный. Актер верен завету Станиславского: «Играешь злого — ищи, где он добрый». Отвратительное уживается здесь в странном противоречии с искаленной человечностью. Все время бьется он над одним и тем же вопросом. И в ярости, и в обиде, в бессилии своем пытается понять: почему распадается семья, почему дети ссорятся с жизнью? Актер играет яростное желание понять жизнь и трагедию невозможности истинного познания для мещанина. И кажется даже, что горше всего старику не поражения в семейных баталиях, не внезапное одиночество, а ощущение несбыточности и мизер-

ности того, за что он только что так иступленно сражался. Может быть, именно потому он так горько рыдает в финале спектакля...

Е. Лебедев — Бессеменов истово стремится выполнить гамлетовскую миссию — соединить разваливающийся мир, восстановить его гармонию. Только его «вселенная» ограничена стенами дома в захолустном городке, а гармония видится в неизменности сущего, когда все прочно и навсегда, когда всяк предмет — на своем месте.

Трудно мещанину подняться к высотам трагедии! Добить истинную гармонию мира можно, лишь построив его, — этой «подсказки» истории не дано услышать мещанину, чьи упования сводятся к одному: удержать старое, сохранить привычный порядок вещей. В стремлении остановить жизнь (хотя бы вокруг себя!) он агрессивен так же, как и в борьбе за свой достаток, за лишний кусок. Да, мещанину не дано ничего создать, он способен только присвоить. Потому он неизбежно жаждет. Бессеменов пытается присвоить даже личность Нила, как прикармливал ранее его труд.

Старик прозорлив — он понимает, что с детьми не получится. Страдает, видя неполноценность и отчужденность Петра (В. Рецеттер). Жалеет Татьяну (Э. Полова), которая еще недавно требовала права на какую-то свою правду, охотно осуждала других, а теперь сломана жизнью, потухла. И дело обернулось так, что единственным стоящим чело-

веком оказывается Нил — не родной, приемный сын. А Нил — уходит.

Узнав о намерении приемыша жениться (а дело было за обедом), старик начинает медленно наливать злостью, тихо и страшно звереть. Внезапно швыряет ложку и кричит отчаянно: «Ну, только помни, Нил, отныне ты мне... и я тебе — враги!» А в ответ тихо и убежденно звучат слова Нила (К. Лавров) — он тоже хозяин в этом доме, ибо хозяин тот, кто трудится. И воспринимаются они не как популярный афоризм, каким стали потом, а как довод, как объяснение. И адресованы слова Нила не зрителям, а Бессеменову. И произнесены они так, будто звучат впервые, будто нет еще даже печатного текста пьесы, не то что школьных сочинений на тему «Образ Нила в пьесе А. М. Горького «Мещане».

Сила и обаяние этого коллестива — в умении пройти вместе с автором весь путь создания образа от самых первых жизненных наблюдений во всей их конкретности, непотворимости и противоречивости. Театр питается отнюдь не только пьесой — ради нее, ради истины сценической жизни он проникает в жизнь реальную. Поэтому всегда он открывает какие-то новые пласты, казалось бы, в общеизвестном. Когда новое открыто, можно только удивиться, как оно просто. Так и с Нилом. Товстоногов и Лавров увидели в нем не систему лозунгов, а характер. Впервые стало по-

нятно, например, что Нил не просто труженик, а человек, связанный с передовой по тем временам техникой. Значит, он приметная в городе фигура, значит, для Бессеменова его уход еще чувствительней.

Очень значителен этот веселый, усталый (работает много, да и труд его нелегок), умный и спокойный парень. Единственный нормальный, естественный человек в этом доме. Любит Полю (Л. Сапожникова) молодой, земной любовью. О труде своем говорит не как о подвиге, а как о само собой разумеющейся жизни нормального человека. Убеждает Нил не только силой мысли, но и активностью своей жизненной позиции (что отлично сыграно актером в его негромком голосе), неразрывной слитностью своего дела и слова. Ему незачем красоваться. Он имеет право на простоту, которая так нужна сегодня в театре. В ней — драгоценный залог доверительных отношений между сценой и залом. А зритель ведь — как минимум — должен поверить герою, чтобы — как максимум! — его полюбить...

...Дом Бессеменова — стар. Он заставлен громоздкой, обжитой мебелью, разделен перегородками, наполнен звуками. Тяжко, нутужно скрипит дверь в комнату стариков, гулко, с хрипами в стонах бьют большие часы, которые привычно заводит сам хозяин. Темной тенью скользит за мужем вечно настороженная Акулина Ивановна (М. Призван-Соколова). Здесь собрались люди, по-разному близкие и далекие нам. Ну, конечно же,

жизнелюбие пустоватой Елены (Л. Макарова) куда лучше, куда ближе нам, чем гробовая скука почтенного семейства. Близок нам и Перчихин, хотя и его правда и его доброта ограничены и никому не могут помочь, но добро выше зла, утверждает театр.

Очень важный талант — уметь радоваться жизни, уметь жить! По-своему умеют это и Елена, и Перчихин. Однако театру куда дороже оптимизм Нила, ибо Нил любит жизнь не всякую, а справедливую и умеет ненавидеть тех, кто мешает хорошим людям.

«Драматический эскиз» М. Горького театр решает мужественно: как пьесу трагических крушений, ломки судеб тех, кто не имеет силы перешагнуть порог старого мира, как повесть о саморазрушении мещанства и торжестве тех, кто противостоит ему.

...И вновь перед зрителем — мирное семейство Бессеменовых, чьи жизни прошли перед нами за три мгновенных часа спектакля. Обитатели дома, которого нет...

* * *

К «Варварам», «Идиоту», «Горю от ума» и «Трем сестрам» прибавились «Мещане» — спектакль, столь же сложный, богатый темами, мыслями и чувствами, как сложна и богата жизнь. И заставляет он думать о жизни. И еще — о безмерном богатстве и могуществе реализма, о мудрости театра, где главное — человек.

А. МИХАЙЛОВА.

Ярва, Москва, 1967, 18 мв.